

Артур Сухонин

**Я, киборг с планеты
Земля**

Артур Сухонин
Я, киборг с планеты Земля

«Автор»

2026

Сухонин А.

Я, киборг с планеты Земля / А. Сухонин — «Автор», 2026

Опытный космонавт, чудом выжив после крушения космического корабля, становится инвалидом. Теперь его жизнь поддерживают кибернетические импланты. И когда врачи говорят, что о космосе не стоит даже мечтать, он вопреки всему стремится совершить свой следующий космический полёт.

© Сухонин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Фаза 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Артур Сухонин

Я, киборг с планеты Земля

Фаза 1

Межпланетный ядерный буксир, словно лихой дальнобойщик, жмёт по тормозам, теряя вторую космическую скорость. Его радиаторы раскинуты в стороны и напоминают крылья стрекозы-хищницы. Аппарат смотрит плазменными двигателями вперёд, из них вырывается аргон – ещё свеженький, недавно добытый на марсианской базе. На ядерном реакторе запечатлена надпись кириллицей “Зевс-12” и логотип Роскосмоса. “Ё-батарейка” – вот как космонавты ласково называют между собой этого ядерного зверя. Двигатели “Ё-батарейки” сияют прозрачным лавандовым факелом. Но тут свечение тускнеет до фиолетового, пока не меркнет вовсе. До Земли остаётся всего-то восемьсот километров – совсем ничего после полугодовой миссии на Марс.

В радиоэфире звучит голос молодого мужчины:

– Есть отключение маршевых. Есть выход на высококую эллиптическую.

Ему отвечает хриплый баритон:

– Подтверждаю. Перигей восемьсот, апогей сорок тысяч.

– Чётенько мы припарковались. А, Андреич?

Раздаются смешки в эфире. И вновь голос молодого:

– Андреич, а ты знаешь, что говорит космонавт девушке на первом свидании?

– Ой, Славик, опять ты за своё?

– “Дорогая, готовься к фазированию орбиты”.

– Не смешно.

– Фазированию, – хихикает Слава. – То есть, к сближению... Ну ты понял, Андреич?

Слышен тяжелый вздох.

От жилого модуля межпланетного буксира “Зевс-12” отстыковывается космический корабль “Сталкер-37”. Корабль похож на самолёт, с коротенькими, загнутыми кверху, кончиками крыльев. Лобовых стёкол нет – на их месте термообшивки, иллюминаторы расположены по бокам. Тепловая защита на несущем корпусе кое-где обуглена – корабль бывалый.

– Есть расхождение объектов, – вновь слышен голос в эфире.

В пятиместной кабине всего двое мужчин: один молодой, второй матёрый. Оба пристёгнуты к креслам-ложементам, каждый следит за показаниями на сенсорных мониторах, расположенных перед забралами их гермошлемов. На плечи скафандров прилеплены шевроны с российским триколором.

– Дальность десять, – звучит в радиоэфире баритон Михаила Андреевича. Мужчине глубоко за полтинник, на лице усы и седая щетина. Он – командир экипажа.

– Вижу стыковочный узел, – говорит Слава. Парню вот-вот стукнет тридцать, он бортовой инженер и второй пилот. – Всё ок, посторонних предметов не наблюдаю. Чистенько, как у...

– Кхе-кхе! – демонстративно прокашливается Михаил Андреевич.

– Ладно-ладно, – улыбается Слава.

Перед панелью управления плавает индикатор невесомости – плюшевая игрушка в виде милого инопланетянина-головастика.

– Дальность пятьдесят, – Михаил Андреевич внимательно следит за данными на экране.

– Нормально идём.

Космический корабль отчаливает от “Ё-батарейки” на сотню метров.

– Дальность сто.

Манёвровые двигатели плюются струйками гипергола – и корабль плавно разворачивается.

– Автоматика работает как надо.

Слава заглядывает в иллюминатор, расположенный сбоку, и щурится. За стеклом усталый облаками земной шар закрывает собой всё пространство, весь обзор.

– Ух! Какая же она огромная! – вырывается у него с трепетом.

– Соскучился?

– И такая яркая!..

– Соску-у-учился, – констатирует Михаил Андреевич и улыбается.

В эфире раздаётся голос девушки:

– “Сталкер-37”, говорит ЦУП Москвы. Добро пожаловать домой! Как слышно, приём?

– Юлька! – радостно восклицает Слава.

– Привет, родная, – произносит Михаил Андреевич. Его голос звучит нежно-нежно. – Хорошо тебя слышим.

– Как говорится, с хлебом-солью вас! – по голосу Юли, оператора Центра управления полётами, понятно, что она улыбается. – В следующий раз буду ждать полёт как минимум на Альфа Центавру, – шутит она.

– Обязательно! – хихикает Слава.

– Какая сегодня погодка в Королёве? – интересуется Михаил Андреевич.

– Холодно и сыро, – отвечает Юля. – И не скажешь, что май.

– Спорим, на Марсе холоднее? – усмехается Слава.

В эфире раздаётся смех.

– Так, у вас высота восемьсот три, – тон Юли меняется на официальный. – Покидаете перигей. Нужен манёвр торможения. Если, конечно, не хотите прописку в космосе получить.

– В космосе хорошо, а дома лучше, – Михаил Андреевич глядит на панель управления, тапает перчатками скафандра по сенсорному монитору. – Запуск автоматики через десять... девять...

Командир умолкает. Слава наблюдает на мониторе за показателями, среди которых – циферки с обратным отсчётом.

3...

2...

1...

...

...Ничего не происходит...

Михаил Андреевич и Слава переглядываются. Командир указывает на монитор – там мигает сообщение: “Ошибка запуска двигателя”.

– Что за фигня? – недоумевает Слава.

– Ошибка автоматики... – произносит Юля. И умолкает. В эфир доносятся отдалённые голоса из Центра управления полётами, там о чём-то спорят, но слов не разобрать. – Так, “Сталкер-37”, – вновь слышен голос Юли. – Давайте попробуем на втором витке.

– Принято, – отвечает Михаил Андреевич.

– Андреич! – Слава смотрит на командира. – Мы же на эллипсе. Тут один виток – двенадцать часов.

– Нормально.

– А, может, на ручное? – суетится Слава.

– Решение за командиром... – неуверенно отвечает Юля.

Слава озирается на Михаила Андреевича. А тот задумчиво рассматривает Славу.

– Ребята, окно на торможение заканчивается через тридцать секунд, – информирует Юля.

– Слав, справишься?

– Кэшн! – бравирует он.

– Ну тогда поехали! – командир поворачивается к мониторам, его руки заклиная панель управления. – ЦУП, я “Сталкер-37”. Переходим в ручной режим.

– Принято, – раздаётся голос Юли. – Ни пуха, ни пера!

– К чёрту! – восклицает Слава и хватается за рычаг управления кораблём. – Тэк-с... Чуть-чуть поправим... – Слава аккуратно двигает рычагом. – Да-а-а, вот так вот-сь... Нормас! Запуск маршевых через... три! два!

Слава умолкает – и ровно через секунду обоих космонавтов вжимает в ложементы. После микрогравитации их тела вновь ощущают вес. Верёвочка, к которой привязан индикатор невесомости в виде плюшевого инопланетянина, вытягивается, словно леска у клюющей удочки. В кабине ревет дракон.

Плывущий в черноте космоса корабль “Сталкер-37” развёрнут двигателем по направлению движения. Краснеющее от жара сопло извергает реактивное пламя. Кислород, плюс, метан – просто как велосипед и эффективно как монтировка, работает уже больше ста лет.

– Отключение через... три! два! – кричит Слава в микрофон на шлемофоне.

Слава умолкает – и ровно через секунду...

В кабине продолжает всё реветь.

– Какого!.. Почему не вырубился?! – Слава жмёт на тумблер отключения двигателя. Ещё и ещё! Однако корабль не реагирует.

На мониторах сигналит ошибка: “Исполнительный привод не отвечает”.

– ЦУП?! – кричит Слава.

– Мы видим! – нервничает Юля. – Решаем!

– Андреич!..

– Слава, без паники! – рявкает командир.

Скорость корабля падает. Высота тоже. Проходит минута... Или вечность? На индикаторе горючего и окислителя уровень метана становится минимален, а показатель жидкого кислорода касается нулевой отметки.

Тут рёв сменяется резкими хлопками. Кабину потрясывает.

Оранжево-жёлтое реактивное пламя, вырывающееся из двигателя, подрагивает и пульсирует. Корабль кашляет – окислитель заканчивается, но горючее продолжает поступать в камеры сгорания.

На мониторе схема траектории полёта: некогда пологий спуск в атмосферу, словно на детской горке, превращается в крутое пике. У Славы округляются глаза:

– Охренеть... Баллистический!..

– Справимся! – твёрдо говорит Михаил Андреевич.

Космический аппарат выкашливает ещё одну струйку окислителя. И реактивная струя окончательно тухнет. Рёв умолкает – дракон засыпает.

– Так, ЦУП, у нас баллистический спуск, – констатирует Михаил Андреевич. – Рассчитайте место приземления.

– Папа... Слава... – звучит трясущийся голос Юли.

– Всё будет хорошо! – уверяет командир.

Из раскалившихся докрасна сопел продолжает выходить холодный пар – остатки метана. И вот, в камере сгорания появляется последняя капелька жидкого кислорода...

Искра!

Взрыв!!!

Корабль резко раскручивает! Вокруг разлетаются обломки двигателя.

Слава глохнет. В кабине всё мигает красным! Сигнал тревоги! Корабль вращается покруче, чем на американских горках! За иллюминатором видны разлетающиеся куски

обшивки. В ушах Славы звон. Затем медленно возвращается слух. Визжит тревога! Слава поворачивает голову – Михаил Андреевич без сознания.

– Андреич! Андреич!! Слышишь?! – тербит его Слава.

– Что там у вас?! – паникует Юля.

– Андреич, чтоб тебя!

– Папа!!! – крик Юли наполняется белым шумом и обрывается.

Антенны космического корабля разлетаются на мелкие кусочки.

Славе удаётся растолкать командира – он приходит в себя. У него из-под шлемофона стекает струйка крови. Михаил Андреевич осматривается. Понимает ситуацию.

– Славик... – хрипит командир.

– Да...

– Мы в ручном режиме. Стабилизируй вращение.

– А если бабахнет?!

Михаилу Андреевичу кровь заливает глаз, он не может вытереться из-за закрытого забрала гермошлема.

– Не бабахнет, – командир изучает данные на мониторе. – По датчикам гипергол цел. Манёвровые не зависят от маршевых.

– Сейчас сделаем! – пытаюсь справиться с перегрузкой, Слава хватается обеими руками за рычаг управления кораблём.

Маленькие сопла уцелевших манёвровых двигателей выпускают в космос струйки гипергола. Вращение корабля плавно замедляется и, наконец, останавливается.

– Ну, Славик! – кашляет Михаил Андреевич. – Я же говорил, ты у нас самый крутой пилот на Земле!

Изнемождённый Слава выдавливает из себя измученную улыбку и, взглянув на Михаила Андреевича, сообщает:

– У тебя кровь.

– Знаю.

Вдруг кабину встряхивает – как самолёт, попавший в турбулентность. Михаил Андреевич припадает к своему иллюминатору, а Слава к своему.

– Винглету хана, – выдаёт вердикт Слава. Он сквозь стекло видит, как один из загнутых кверху концов крыла полностью разрушен.

– С моей стороны крыло цело, – говорит командир.

Снаружи загораются разлетевшиеся после взрыва обломки корабля.

– Входим в атмосферу, – констатирует Михаил Андреевич. – Чёрт, угол не тот... Слав, ориентируй корабль днищем в надир.

– Принято, – Слава хватается за рычаг управления кораблём.

Космический аппарат ныряет в верхние слои мезосферы, но не пузом вперёд, как положено, а завалившись на бок. Куски обшивки, покорёженные после взрыва, загораются.

Внутри вибрация, всё гудит и трещит, словно в кабину жаждут забраться бесы. Лица космонавтов напряжены. Слава, сверяясь с данными на мониторе, заученным до автоматизма движением управляет кораблём.

Обгрызанный после взрыва космический аппарат разворачивается. Вокруг него кружатся горящие осколки. Теперь заострённый нос корабля смотрит чуть выше горизонта, а брюхо с мощными пластинами теплоизоляции направлено плашмя в Землю.

– Готово! – напряжённо восклицает Слава. Говорить становится трудно.

– Молодец!

На мониторе растёт значение перегрузки: 3g... 4g... 5g... Слава глотает воздух, в ушах отдаётся каждый удар сердца. На забрале гермошлема – алая вспышка! Ещё одна! Слава глядит

в сторону всполохов – плазма облизывает иллюминатор с той стороны корабля. Космический аппарат точно спускается в ад.

Снаружи термоизоляция объята пламенем. Корабль как горящий метеорит разрезает воздух и мчится к земле. Задняя часть аппарата, раскуроченная взрывом, плавится от температуры в полторы тысячи градусов по Цельсию. Подобно тому, как червь вгрызается в яблоко, в корабль вгрызается плазма.

Дыхание у Славы рваное. Кажется, будто кто-то очень тяжёлый сел на грудь и живот. Зрение по бокам застилает чёрная пелена. На экране датчик перегрузки показывает: ...8g... 9g... 10g... – и значение продолжает расти!

В кабине вспыхивает пламя! Всё сразу же заполняется чёрным дымом! Однако скафандры работают исправно, дышать есть чем.

Из-за разрушенного винглета крыло снаружи плавится. Корабль сильно трясёт. Толчок! Аппарат совершает кувырок и возвращается в нормальное положение. Ещё толчок! Новый кувырок! Расплавленный металл разбрызгивается по воздуху. Корабль вновь ложится на брюхо...

Славе удаётся ухватиться за сознание, но он будто смотрит со дна колодца. Он чувствует: нечто тянет его всё глубже... он сопротивляется. В центре взгляда, совсем далеко, словно в сотне метров отсюда, панель управления. На мониторе отметка в 12g.

В кабине всё полыхает. Горит проводка, полимеры, приборы из композитов, внутренняя обшивка... Вспыхивает плюшевый инопланетянин – индикатор невесомости. Огонь облизывает ноги, запрыгивает на кресла-ложементы, кусает ремни безопасности...

Слава чувствует внутри скафандра запах плавящегося пластика. Жар растёт! Слава хочет стряхнуть с ног пламя, но тело из-за перегруза слишком тяжелое – не шелохнуться. Дым скапливается внутри гермошлема и гарь становится нестерпимой. Слава задыхается от кашля... И тут – всплеск боли! Будто на ноги льётся кипяток! Слава слышит свой крик!

Вдруг кабину насквозь прогрызает плазма... и... весь дым из корабля улетучивается – его сразу же всасывает в пробоину. Пожар в кабине тухнет. Резкое падение давления!

Как...

... часть обшивки корабля отрывает титанической силой! Взрывная декомпрессия!

За исчезнувшим куском стены – стратосфера! Игрушечного инопланетянина уносит за борт. Слава видит тёмно-синее, почти чёрное, небо. И далеко-далеко облака. На его стеклянном забрале гермошлема появляется еле заметный морозный узор.

Слава слышит в шлемофоне голос Михаила Андреевича:

– Славик... Слав...

Он еле-еле поворачивает голову, смотрит на командира.

– Давно хотел узнать... – хрипит Михаил Андреевич. – Вы с Юлей... Как давно?

– Откуда?.. – кашляет Слава. Говорить тяжело. Горло режет, а лёгкие нестерпимо жжёт от дыма в скафандре.

Михаил Андреевич улыбается сквозь боль. Угольки прокусывают отверстие в ткани – и воздух, выходя из его скафандра, вспыхивает выплясывающими дьявольский танец огоньками. Скафандр командира медленно сдувается.

– Так по вам же всё видно, – говорит он.

Вдруг – резкий удар! Словно они столкнулись с кем-то в воздухе! Истлевшие ремни безопасности лопаются и Славу выбрасывает из кресла-ложемента. Он мощно бьётся гермошлемом о панель управления! На стеклянном забрале появляется трещина. Голова раскалывается от боли, по лицу стекает что-то горячее.

...И тут же всё замирает, успокаивается...

Сразу лёгкость. Темнота. Слава ничего не видит.

Их качает...

Вправо... влево...

Вверх... вниз...

Космический корабль болтается на парашюте.

Во тьме Слава слышит голос Михаила Андреевича, звучащий словно из параллельной реальности:

– *Так по вам же всё видно.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.